Автор: Oghmanadar
19.10.2008 01:25 -

Страх смерти. Смысл смерти

Психолог В. Франкл пишет о том, что без страдания и смерти жизнь не полна. Во всем необходимо обнаружить смысл; как жить, так и умирать человек должен осмысленно. В беседах митрополита Антония Сурожского есть пронзительные слова: "Неважно, жив ты или мертв, важно, ради чего ты живешь или во имя чего умираешь".

Но в чем же мы можем обнаружить смысл смерти? Во-первых, она смиряет человека. Смирение есть единственная тональность речи для диалога с Богом: творение осознает себя и свою потребность во встрече с Творцом. Чувство смертности подчеркивает бессилие человека спасти самого себя; ведь тот, кто призван к жизни как свободный творец, может опьяняться своими успехами, почувствовать себя неуязвимым победителем, дойти до крайности "убожества гордости", сознательно произнести "Провозглашаю себя Христом", подобно одиозному Секо Асахаре... От этого и предостерегает нас страх встречи с подлинным Христом по окончании нашего пути.

Во-вторых, сознание смерти облагораживает жизнь, не позволяет человеку потерять себя в суете. Он живет в присутствии вечности. Жизнь обретает красоту. Это открывалось в прозрениях на протяжении всей истории человечества. В Вавилонском талмуде описан диалог Александра Македонского с древними иудейскими мудрецами. Завоеватель спросил: Что должен делать человек для того, чтобы жить? - Он должен умертвить себя, - ответили старцы. - Как человеку умертвить себя, - продолжал Александр. - Он должен по-настоящему жить, - загадочно отвечали мудрецы. Присутствие смерти в мире позволяет нам осознать, что жизнь - это Таинство. Издавна известно понятие, которым озаглавил свою песню Дж. Харрисон - "Искусство умирать". По-латыни это звучит "ars moriendi". Это искусство заключается не в том, чтобы время от времени вспоминать о неминуемом конце. Речь идет о том, чтобы конкретно учиться принимать, не отказываясь, дары Промысла. Таким даром может быть огорчение, болезнь, разочарование, неудача, одиночество, крушение надежд. Так, постигая дарственную природу мироздания, человек учится умирать, приобретает опыт. Кто-то сказал: "Тот, кто не умирает до того, как он умрет, пропадет, когда умрет".

Древнее "искусство умирать" получило новое осмысление, когда в 60-х годах нашего века широкий резонанс вызвали описанные психологом Э. Кюблер-Росс "стадии встречи со смертью", наблюдавшиеся ею у терминальных [1] пациентов. Так, человек, поняв, что ему предстоит умереть, переживает первую стадию - отрицание: "Нет, врачи, видимо, ошибаются, речь не обо мне, я не могу признать то, что я в скором времени покину этот мир". Затем наступает вторая стадия - гнев: "Почему я, чем я заслужил это, ведь столько людей более пригодны для того, чтобы умереть. Кто ошибся в моем лечении? Кто сделал так, чтобы мне умереть?!". Вслед за этим приходит стадия выторговывания жизни: "А

если я буду соблюдать все предписания, откажусь от вредных привычек, замолю все грехи, буду набожным, буду делать только правильные вещи, может быть, смерть отступит?". Когда заканчивается эта стадия, наступает период депрессии: "Жизнь все равно не имела смысла, какая разница, я или кто-то другой, все беспросветно". И лишь потом наступает заключительная стадия - принятия: "Да, я умру. Смерть предстоит всем. В чем-то моя жизнь была достойной, где-то я падал, но теперь все отступает перед тем, что мне суждено пережить. Я постараюсь сохранить присутствие духа, так, чтобы спокойно принять все, что мне предстоит, и не отягощать страдания моих ближних".

Человек с устоявшимся христианским устроением души не проходит первых четырех стадий. Он изначально принимает смерть. "Для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение Влечет меня и то и другое" (Флп. 1:21, 23) - пишет апостол Павел; для него смерть - неотъемлемая, сознательно принятая принадлежность жизни. Мученики первых веков христианства встречали смерть как награду, как привилегию доказать свою верность Христу. Предания доносят до нас, как они спешили к месту казни. Мученица Фелицата, растерзываемая на арене диким быком, стремилась лишь к тому, чтобы запахнуть тунику, чтобы не смутить толпу нецеломудренностью и чтобы волосы оставались гладко собранными, так как растрепанные по плечам волосы воспринимались в то время как знак траура, а мученица знала, что уходит в свет, в радость, в славу.

Само слово мученик, (греч. martis) означает свидетель, то есть человек видевший, до конца убежденный в том, что его смерть исполнена смыслом. Так же достойно покидали на протяжении веков земную жизнь подвижники благочестия. В древней Руси был распространен обычай для престарелых родителей уходить в монастырь и там, принимая схиму, заживо погребать себя для суетного мира. Кажется, весь ужас смерти бессильно отступает перед христианином. "Что ты будешь делать, если умрешь завтра утром?" - спросили у известного проповедника Джона Уэсли. - "Допишу проповедь и, как обычно, лягу спать", - отвечал человек, готовый к смерти в любой момент. "Как необыкновенно хороши предсмертные минуты", - прошептал умирающий русский ученый-богослов, профессор Духовной Академии. Христианская смерть мирна, и даже если она насильственна, в ней нет гнева и злобы. Широко известны строки, записанные дочерью Николая II непосредственно перед казнью: И в час мучительной кончины / Вдохни в сердца Твоих рабов / Нечеловеческие силы / Молиться кротко за врагов.

В-третьих, смерть объединяет нас. Столкнувшись со смертью человека, мы осознаем свою причастность человечеству. В Ветхом Завете о смерти говорятся замечательные слова: приложился к народу своему (см. Быт 25:8,17; 35:29; 49:33 и др.), отправился в путь всей земли (см. Нав 23:14; 3 Цар 2:2). Так в событии смерти человек полностью приобщается к человечеству. Мы прощаем умершего, как бы ни были обижены на него - "о мертвых либо хорошо, либо ничего", - и нередко начинаем выше ценить близких, оставшихся с нами. "Любовь к отеческим гробам" является добродетелью. Первый проблеск религиозного сознания - благоговение - часто просыпается на кладбищах.

Смерть позволяет подвести итоги. Мы говорили, что в христианском сознании смерть -

это не конец, а рубеж. Уже упомянутый нами психолог В. Франкл, построивший свою систему психотерапии на поиске человеком смысла жизни, пишет: "В жизни человек всегда в процессе, в становлении. В каждую отдельную минуту о нем можно только сказать, что он был, он уже не такой, как мгновение назад. Только в момент смерти он есть. Он есть то, кем он был в этой жизни".

И последнее, основное. Смысл смерти - в ее преодолении. Смерть преодолевается любовью. Философ Габриель Марсель однажды написал: "Сказать человеку - я тебя люблю, значит сказать - ты никогда не умрешь". Сознание смерти, принятие и преодоление этого страха - это призыв любви, призыв следовать за Христом, Который Сам есть Любовь. Христианская любовь - особая любовь. Может быть, вернее сказать, что то, что в мире называется любовью, не совсем совпадает с христианской сутью этого понятия. Признанный духовный авторитет прошлого века святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет в частном письме: "Признаю только ту любовь, которая действует по велениям Евангелия, которая сама - свет. Другой любви не принимаю, не признаю. Любовь, превозносимая миром, сопровождаемая рвением, мечтательная и переменчивая, признаваемая человеками их собственностью - искажение любви. В (истинной) любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад; когда он разольется в душе - она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости. Такая любовь - свет - она неприступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живет на небе, - туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками Божественной Любви".

Итак, мы начали со страха и пришли к любви. Это не случайно. В Ветхом Завете мы читаем "Начало премудрости - страх Господень". А в конце Нового Завета, в послании Иоанна Богослова есть слова, которые вдохновляют каждого христианина: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви" (1 Ин 4:18). Постараемся же принять неизбежность смерти; в неизбежности увидим тайну, в тайне - надежду на Божию милость; в уповании на Бога - доверие Его милосердию, так просто выраженное словами святителя Афанасия Александрийского: "Бог стал Человеком для того, чтобы человек стал богом".